

Преступность белых воротничков

Эдвин Сатерленд

В этом докладе² преступность рассматривается в связи с бизнесом. Экономисты хорошо знакомы с методами бизнеса, но не привыкли рассматривать их с точки зрения преступности; многие социологи хорошо знакомы с преступностью, но не привыкли рассматривать ее в контексте бизнеса. Настоящий доклад представляет собой попытку объединить два этих корпуса знаний. Говоря точнее, в нем проводится сравнение преступности в высшем классе или классе белых воротничков, состоящем из уважаемых или по крайней мере уважаемых бизнесменов и специалистов, и преступности в низшем классе, состоящем из лиц низкого социально-экономического статуса. Это сравнение проведено с целью разработки теорий преступного поведения, а не для обличения или реформирования чего бы то ни было, помимо самой криминологии.

Статистика преступности недвусмысленно показывает, что преступность, как она понимается в народе и оценивается официально, гораздо чаще встречается в низшем классе, чем в высшем; менее 2% лиц, осужденных за год на тюремное заключение, принадлежат высшему классу. Эта статистика включает преступников, проходящих через руки полиции, уголовного суда и суда по делам несовершеннолетних и попадающих в тюрьмы, и, соответственно, такие преступления, как убийство, нападение, кража со взломом или без, грабеж, половые преступления, пьянство, но при этом исключает нарушения дорожного движения.

Криминологи использовали судебные материалы и криминальную статистику, полученную от этих органов уголовного правосудия, в качестве своих основных данных. Из них они вывели свои общие теории преступного поведения. Эти теории состоят в том, что, поскольку преступность сосредоточена в низшем классе, она вызывается бедностью либо личными и социальными характеристиками, которые считаются статистически связанными с бедностью, такими как умственная отсталость, психопатические отклонения, проживание в трущобах или не-

Эдвин Сатерленд, американский социолог (1883–1950).

Доклад Эдвина Сатерленда «Преступность белых воротничков» (1940) опровергает традиционный тезис о сосредоточенности преступности в низших классах и ее обусловленности бедностью или психопатологией. Опираясь на материалы расследований и показательные случаи, а не только на судебную статистику, Сатерленд утверждает, что уважаемые бизнесмены и профессионалы систематически нарушают закон, но это скрывается нерепрезентативностью данных и административным отграничением от обычной уголовной юстиции. Автор перечисляет типовые схемы: искажение корпоративной отчетности и рекламы, манипулирование ценными бумагами, коммерческое и политическое взяточничество, присвоение и растрата, а также врачебные практики вроде «дележа гонорара». В основе этих деяний – нарушение вверенного или подразумеваемого доверия; многие из них сводятся к двум группам: искажению оценки активов и двойственности в исполнении полномочий. Помимо крупных финансовых потерь, беловоротничковая преступность подрывает доверие, снижает социальную сплоченность и порождает масштабную дезорганизацию. Сатерленд полагает, что дифференциальные ассоциации – обучение криминальному поведению в профессиональных сетях – объясняют преступность как верхних, так и нижних классов; различается не причинность, а имплементация и правоприменение. Высоко-статусные нарушители способны влиять на нормотворчество, административные процедуры и сталкиваются со сравнительно мягкими санкциями, что создает относительную безнаказанность и иллюзию «нереальности» этих преступлений. Работа призывает расширить критерии и массивы данных, чтобы устранить теоретическую предвзятость и более полно описать распространенность, механизмы и социальный вред беловоротничковой преступности.

Ключевые слова: преступность белых воротничков; криминология; дифференциальные ассоциации; корпоративное мошенничество; социальная дезорганизация; нарушение доверия; экономическая преступность

Цитирование: Сатерленд, Э. (2025). Преступность белых воротничков. *Городские исследования и практики*, 10(4), 113–120. <https://doi.org/10.17323/usp1042025113-120>

1. Sutherland, E. H. (1940). White-collar criminality. *American sociological review*, 5(1), 1–12. <https://doi.org/10.2307/2083937>.

2. Тридцать четвертое ежегодное председательское выступление, прочитанное в Филадельфии (Пенсильвания) 27 декабря 1939 г. на совместном собрании с Американским экономическим обществом (это было его пятьдесят второе собрание), на котором председатель последнего Джейкоб Вайнер рассуждал об отношении экономической теории к выработке государственной политики.

полные семьи. Это утверждение, конечно, не учитывает отдельные особенности и вариации в общепринятых теориях преступного поведения, однако оно верно представляет их основную тенденцию.

Тезис данной статьи заключается в том, что только что представленные концепция и объяснения преступности неверны и могут ввести в заблуждение, что преступность на самом деле не является тесно связанной ни с бедностью, ни с психопатическими и социопатическими расстройствами, которые часто связывают с бедностью, тогда как адекватное объяснение преступного поведения должно быть дано в совершенно другой логике. Общепринятые объяснения не работают в основном потому, что они выводятся из нерепрезентативных выборок. Выборки же нерепрезентативны потому именно, что они не включают обширные области преступного поведения людей, не относящихся к низшему классу. Одна из этих областей, которым не уделяется должного внимания, — это преступное поведение бизнесменов и представителей свободных профессий, которое будет проанализировано в этой статье.

«Бароны-разбойники» второй половины XIX века были преступниками из числа белых воротничков, с чем сегодня согласен практически каждый. Их установки можно проиллюстрировать следующими суждениями. Полковник Вандербилт спросил: «Вы же не думаете, что можно управлять железной дорогой в строгом соответствии с законом?» А. Б. Стикни, президент железнодорожной компании, в 1890 году, находясь в доме Дж. П. Моргана, заявил шестнадцати другим президентам железнодорожных компаний: «Я вас, джентльмены, очень уважаю, но, поскольку вы все президенты железнодорожных компаний, я бы не доверил вам даже свои ручные часы». Чарльз Фрэнсис Адамс сказал: «Сложность в управлении железными дорогами... состоит в алчности, нехватке доверия, слабой морали железнодорожных управляющих, в полном отсутствии любого высокого стандарта коммерческой честности».

Сегодня преступников из числа белых воротничков, которые не так грубы и прямолинейны, как «бароны-разбойники», представляет Крюгер, Ставински, Уитни, Митчелл, Фошей, Инсалл, Ван Сверингенсы, Музиса-Костер, Фолл, Синклер и многие другие крупные коммерсанты, капитаны финансов и промышленности, а также куча их более мелких последователей. Их преступность снова и снова доказывалась в расследованиях деятельности земельных комитетов, железных дорог, оборонной промышленности, банковской сферы, жилищно-коммунального хозяйства, биржевых сделок, нефтяной промышленности, строительной отрасли, комиссий по реорганизации, внешнего управления, банкротств и политики. Отдельные истории о подобной преступности сообщаются достаточно часто, и чаще более важные новости о преступлениях можно найти на финансовых страницах газет,

а не на первых. Преступность белых воротничков встречается в любой профессии, что можно легко выяснить в обыденных разговорах с представителем той или иной профессии, если спросить его: «Какие мошеннические практики встречаются в вашем деле?»

В бизнесе преступность белых воротничков чаще всего выражается в форме ложной финансовой отчетности корпораций и манипуляций на биржах, в коммерческом подкупе, прямом или косвенном подкупе государственных чиновников с целью заполучить выгодные контракты или добиться принятия выгодных законопроектов, а также в форме распространения ложной информации в рекламе и продаже товаров, хищений и нецелевого использования средств, обвешивания и пересортицы товаров, налогового мошенничества, растраты при конкурсном управлении и банкротстве. Все это то, что Аль Капоне называл «законным рэкетом». Эти и многие другие нарушения встречаются в мире бизнеса повсеместно.

В медицине, которая используется здесь в качестве примера потому, что она, вероятно, менее криминальна, чем некоторые другие профессии, встречаются нелегальная продажа алкоголя и наркотиков, нелегальные аборт и услуги преступникам, скрывающимся от правосудия, сфальсифицированные отчеты и свидетельства в случае аварий, вопиющие примеры ненужного лечения, шарлатанство, ограничение конкуренции и дележ гонорара. Дележ гонорара во многих штатах представляет собой нарушение конкретного закона, а также нарушение условий допуска к предоставлению медицинских услуг в целом. Врач, участвующий в дележе гонорара, обычно отправляет своих пациентов к хирургу, который предложит ему самое большое вознаграждение, а не к тому, кто лучше всего сделает свою работу. Сообщалось, что две трети хирургов в Нью-Йорке участвуют в дележе гонораров и что более половины врачей в одном из городов на Среднем Западе, ответивших на соответствующий вопрос анкеты, высказались в поддержку этой практики.

Эти разные типы преступлений белых воротничков и преступлений в сфере свободных профессий состоят в основном из злоупотреблений оказанным или подразумеваемым доверием, и многие из них можно свести к двум категориям — искажению оценки активов и двойственности в исполнении полномочий. Первая категория в общем и целом совпадает с мошенничеством или надутельством, вторая похожа на двойную игру. Эту вторую категорию можно проиллюстрировать примером директора корпорации, который, действуя на основе инсайдерской информации, приобретает землю, нужную его корпорации, и продает ее своей собственной корпорации, получая в результате фантастическую прибыль. Принцип этой двойственности состоит в том, что нарушитель занимает две антагонистические позиции, одна из которых — позиция доверия, которым пользуются обычно для нецелевого ис-

пользования средств в интересах другой позиции. Подобный антагонизм позиций мог бы проиллюстрировать футбольный тренер, которому дозволено судействовать в игре, где принимает участие его собственная команда. Таких ситуаций в сложной бизнес-структуре невозможно избежать полностью, однако многие компании в своей практике берут на себя такие антагонистические функции, регулярно нарушая доверие, которое им таким образом было оказано. Когда закон требует разделения их функций, они производят номинальное разделение, втайне продолжая сохранять обе позиции.

Точного статистического сравнения преступлений двух классов не существует. Наиболее обширные данные по природе и преобладанию преступности белых воротничков обнаруживаются в отчетах крупных расследований, послуживших основой для сбора информации. Из-за их фрагментарного характера эти данные здесь не обобщаются, а постулируются. Будет представлено несколько суждений, служащих иллюстрациями, но не доказательством распространенности преступности такого рода.

Федеральная торговая комиссия в 1920 году сообщила, что коммерческий подкуп во многих отраслях оставался преобладающей и вполне распространенной практикой. В некоторых сетевых магазинах чистого недовеса было достаточно, чтобы покрыть 3,4% от инвестиций в эти товары. 70% каинистр с эфиром, проданных армии США в 1923–1925 годах, были отбракованы из-за большого содержания примесей. В Индиане летом 1934 года 40% образцов мороженого, протестированных во время плановой проверки, проведенной подразделением здравоохранения, были признаны нарушавшими закон. Контролер денежного обращения в 1908 году сообщил, что правонарушения были обнаружены в 75% банков, изученных за три месяца. Тесты на детекторе лжи, проведенные со всеми сотрудниками в нескольких банках Чикаго, практически во всех случаях подтвержденные признаниями, показали, что 20% этих сотрудников присваивали собственность банка. По оценкам аудитора, в период до создания Комиссии по ценным бумагам и биржам 80% финансовой отчетности корпораций содержали ложные сведения. Джеймс М. Бек в 1916 году отметил: «Диогену пришлось бы несладко в его поиске честного человека на Уолл-стрит, которую я знал как корпоративный юрист».

Преступность белых воротничков в политике, обычно считающаяся весьма распространенной, использовалась некоторыми в качестве грубого ориентира, позволяющего оценить преступность

белых воротничков в бизнесе. Джеймс А. Фарли говорил: «Стандарты поведения среди чиновников и политиков столь же высоки, что и в коммерческой жизни», а Антон Чермак в свою бытность мэром Чикаго замечал: «В политике взяточничества меньше, чем в бизнесе». Джон Флинн писал: «Средний политик – всего лишь любитель в изящном искусстве взяточничества, если сравнивать с его собратом из бизнеса». А Уолтер Липман писал: «Стандарты общественной жизни, какими бы низкими они ни были, все же более человечны, чем в бизнесе, а потому финансисты, идущие в политику, считают самих себя филантропами».

Эти утверждения, конечно, не дают точной оценки относительного уровня преступности в классе белых воротничков, однако они служат достаточным доказательством того, что преступность не настолько сосредоточена в низшем классе, как указывает обычная статистика. Эти утверждения, очевидно, не означают того, что каждый представитель свободной профессии или каждый бизнесмен – преступник, и так же обычные теории не означают того, что любой человек из низшего класса – преступник. С другой стороны, приведенные выше утверждения во многих случаях указывают на ведущие корпорации Америки и не ограничиваются теми сомнительными бизнесменами и представителями свободных профессий, которых связывают с шарлатанством, навязыванием юридических услуг, спекулятивной биржевой торговлей, уклонением от выплаты долгов и долговым мошенничеством³.

Финансовый убыток от преступности белых воротничков, по всей видимости, в несколько раз больше убытков от всех преступлений, которые обычно рассматриваются вкуче в качестве «проблемы преступности». Один руководитель сетевого продуктового магазина похитил за год 600 000 долларов, что в шесть раз больше обычных годовых потерь, вызванных пятью сотнями взломов и грабежей в магазинах этой сети. Шесть врагов государства, занимающих высшие позиции в соответствующем списке, присвоили в 1938 году 130 000 долларов, занимаясь взломами и грабежами, тогда как сумма, похищенная Крюгером, составляет, по оценкам, 250 млн долларов, то есть примерно в 2000 раз больше. *The New York Times* в 1931 году сообщила о четырех случаях хищений в США с убытком более 1 млн долларов в каждом из них и с совокупными потерями в 9 млн долларов. Хотя истории о проникновении с целью кражи или ограблении на миллион встречаются крайне редко, такие миллионные хищения – на самом деле мелочь

3. Здесь, возможно, следует повторить, что белые воротнички (высший класс) и «низший класс» означают попросту лиц высокого и низкого социально-экономического статуса. Доход и объем денег, задействованных в преступлении, – не единственные критерии. Многие люди низкого социально-экономического статуса – преступники из числа белых воротничков в том смысле, что они хорошо одеты, хорошо образованы и имеют высокие доходы, но белые воротнички в том смысле, в каком они используются в этой статье, обозначают «уважаемые», «социально принятые и одобряемые» и «те, на кого смотрят снизу вверх». Некоторые люди в этом классе, возможно, не окажутся хорошо одетыми или хорошо образованными, у них не всегда высокие доходы, хотя обычно «высшие» классы превосходят «низшие» как в этих отношениях, так и в социальном статусе.

в среде преступников из числа белых воротничков. Приблизительный убыток инвесторов одного инвестиционного фонда в период 1929–1935 годов составил 580 млн долларов, что в основном было обусловлено тем, что 75% капитала портфолио были в ценных бумагах аффилированных компаний, хотя фонд и рекламировал важность диверсификации инвестиций, а также свои экспертные услуги по подбору надежных ценных бумаг. По данным шестилетней давности, жители города Чикаго за два года потеряли 54 млн долларов в период работы городского инспектора по мерам и весам, который освобождал от проверок магазины, предоставлявшие рождественские корзины его избирателям.

Сколь бы ни был велик финансовый убыток от преступности белых воротничков, он не столь важен, как ущерб, наносимый ею социальным отношениям. Преступления белых воротничков подрывают доверие, а потому создают недоверие, которое снижает общественный моральный дух и приводит к социальной дезорганизации большого масштаба. Другие преступления оказывают сравнительно небольшое влияние на социальные институты и социальную организацию.

Преступность белых воротничков вполне реальна. Обычно ее не называют преступностью, но если назвать ее так, это не сделает ее хуже, и точно так же, если ее так не называть, лучше она от этого не станет. Она названа здесь преступностью для того, чтобы ввести ее в круг криминологии, что оправдано именно тем, что она представляет собой нарушение уголовного права. Ключевой вопрос в этом исследовании – критерий нарушения уголовного права. Приговора в уголовном суде, который порой предлагается в качестве такового критерия, недостаточно, поскольку значительная часть тех, кто совершает преступления, не признаются виновными в уголовных судах. Следовательно, этот критерий следует дополнить. При таком дополнении критерий преступлений одного класса должен остаться в целом совместимым с критерием преступлений другого класса. Определение не должно следовать духу закона в случае преступлений белых воротничков и букве закона в случае других преступлений – или же быть более снисходительным для одного класса, чем для другого. Поскольку в этой статье мы занимаемся общепринятыми теориями криминологов, критерий преступлений белых воротничков должен оправдываться в контексте процедур этих криминологов, применяемых ими при рассмотрении других преступлений. Критерий преступлений белых воротничков, предлагаемый здесь, дополняет вынесение приговора в уголовных судах в четырех аспектах, в каждом из которых расширение обосновано тем, что криминологи, представляющие общепринятые теории преступного поведения, в принципе, производят то же самое расширение.

Во-первых, критерий должен учитывать решения и других органов, помимо уголовного суда, поскольку последний – не единственный орган, выно-

сящий официальные решения относительно нарушений уголовного права. Суд по делам несовершеннолетних, который в основном занимается правонарушениями детей из бедных семей, во многих штатах не входит в уголовную юрисдикцию. Криминологи часто использовали судебные материалы и статистику по малолетним правонарушителям, когда создавали свои теории преступного поведения. Этим оправдывается включение других органов, помимо уголовного суда, которые занимаются правонарушениями в среде белых воротничков. Наиболее важные из таких ведомств – административные советы, бюро или комиссии, и значительная часть их работы, хотя и не вся, состоит в рассмотрении случаев нарушения уголовного права. Федеральная торговая комиссия недавно предписала нескольким компаниям-автопроизводителям прекратить рекламу своей процентной ставки при покупке в рассрочку, которая якобы составляла 6%, тогда как на деле была равна 11,5%. Также она подала иск против одного из изданий группы Hearst, Good Housekeeping, поскольку его маркировка заставляла публику верить в то, что все продукты с такой маркировкой были проверены в их лабораториях, что не соответствовало действительности. В каждом из этих случаев было выдвинуто обвинение в обмане, который мог подлежать рассмотрению в уголовном суде в качестве мошенничества. Значительная часть таких дел, рассматриваемых в подобных комиссиях, должна быть включена в данные криминологов. А то, что они туда не включаются, служит основной причиной нерепрезентативности их выборок и ошибки в их обобщениях.

Во-вторых, в обоих классах следует определить в качестве преступного такое поведение, которое, если основываться на разумных ожиданиях, должно быть признано виновным в уголовном суде или органе, его замещающем. В этом отношении критерием преступности следует считать возможность вынесения обвинительного приговора, а не собственно приговор. Криминологи не боятся принимать в качестве данных проверенные материалы по делу человека, который был преступником, но никогда не был осужден. Также обосновано включить преступников из числа белых воротничков, которые не были осуждены, если только имеются убедительные доказательства их преступных действий. Доказательства по таким делам представляются во многих гражданских исках – например, со стороны акционеров или в делах по нарушению патентного права. Подобные дела могли бы передаваться в уголовный суд, однако они были отправлены в гражданский суд, поскольку истец больше заинтересован в возмещении ущерба, чем в наказании ответчика. То же самое происходит и в делах по хищениям, в которых значительными доказательствами располагают страховые компании. В одной серии хищений, известной страховой компании, 90% из них не подверглись судебному преследованию,

поскольку такое уголовное преследование помешало бы возмещению ущерба или спасению имущества. Улики в делах по хищению обычно вполне убедительны и их, скорее всего, было бы достаточно для обоснования приговора во всех таких делах.

В-третьих, поведение следует определить в качестве преступного, если приговора удастся избежать только в силу давления, оказываемого на суд или замещающий его орган. Гангстеры и рэкетеры пользовались во многих городах относительной неприкосновенностью благодаря давлению, оказываемому на свидетелей обвинения и государственных чиновников, тогда как профессиональные воры, такие как карманники и мошенники на доверии, не использующие в своем ремесле прямого насилия, обладают подобной неприкосновенностью еще чаще. Традиционные криминологи не боятся включать материалы по делам подобных преступников в свои данные, поскольку они понимают общее отношение давления к невозможности вынести приговор. Подобным образом и преступники из числа белых воротничков защищены относительной неприкосновенностью в силу классового предубеждения судей и способности их собственного класса влиять на правоприменение. Это классовое предубеждение влияет не только на современные суды, но и оказывало значительное воздействие на прежние судебные разбирательства, в которых были созданы прецеденты и правила судопроизводства для современных судов. Соответственно, есть все основания интерпретировать актуальные или потенциальные случаи невынесения приговора в свете известных фактов давления, оказываемого на органы, в которых рассматриваются дела правонарушителей.

В-четвертых, люди, выступающие сообщниками в совершении преступления, должны включаться в число преступников из числа белых воротничков, как они включаются в среде других преступников. Когда Федеральное бюро расследований расследует похищение человека, оно не довольствуется поимкой тех правонарушителей, которые похитили жертву; оно может также задержать, а суд может осудить еще 25 других человек, которые участвовали в сокрытии жертвы, переговорах по выкупу или же передаче денег, полученных от выкупа, в оборот. С другой стороны, уголовное преследование преступников из числа белых воротничков обычно останавливается на одном правонарушителе. Политическое взяточничество почти всегда подразумевает сговор политиков и бизнесменов, однако преследование обычно ограничивается политиками. Судья Мантон был признан виновным в получении взяток на 664 000 долларов, однако шесть или восемь важных коммерческих концернов, которые выплатили эти взятки, не преследовались по закону. Пендергаст, бывший босс Канзас-Сити, был осужден за то, что утаил от налоговой 315 000 долларов, полученных в виде взяток от страховых компаний, однако сами эти страховые компании, их выплатившие,

не подверглись судебному преследованию. В одном расследовании хищений, совершенных президентом банка, с этим хищением была связана по крайней мере дюжина других правонарушений, в которые была вовлечена большая часть других руководителей банка и расчетно-клирингового агентства, но ни один из них не был подвергнут судебному преследованию.

Этот анализ критерия преступности белых воротничков приводит к выводу о том, что описание преступности белых воротничков в общих категориях совпадает с описанием преступности низшего класса. Качества, в которых преступления двух классов различаются, являются для преступности привходящими, а не существенными. В основном они различаются исполнением применимых к ним уголовных законов. Преступлениями низшего класса занимаются полицейские, прокуроры, судьи, и уголовное наказание назначается в виде штрафов, тюремного заключения или же смертной казни. Преступления высшего класса либо вообще не караются официальными мерами, либо заканчиваются делами о причиненном ущербе, которые рассматриваются в гражданских судах или же разбираются инспекторами, административными советами и комиссиями, так что наказание назначается в виде предупреждений, постановлений с требованием прекратить правонарушающие действия, иногда в форме утраты лицензий и только в крайних случаях – штрафов или приговоров о тюремном заключении. Таким образом, преступники из числа белых воротничков административно сегрегируются от других преступников, и в основном именно вследствие этого они сами не считают себя настоящими преступниками, и точно так же не считает их таковыми общество в целом и криминологи.

Разница в применении уголовного права обусловлена в основном разницей в социальном положении правонарушителей двух типов. Судья Вудворд, когда он выносил приговор руководителям H. O. Stone and Company, обанкротившейся риелторской компании из Чикаго, руководители которой были осуждены в 1933 году за рассылку мошеннических писем, сказал им: «Вы деловые люди, люди с опытом, вы отличаетесь утонченностью и культурой, прекрасной репутацией и положением в мире бизнеса и в обществе в целом». Это утверждение можно использовать в качестве общей характеристики преступников из числа белых воротничков, поскольку в целом они ориентированы на законные и уважаемые карьеры. В силу своего социального статуса они оказывают значительное влияние на содержание законопроектов и на то, как уголовное право, способное применяться к ним самим, будет действительно применяться на практике. Это можно проиллюстрировать Законом о доброкачественности пищевых продуктов и медицинских препаратов. В период с 1879 по 1906 год в конгресс было представлено 14 законопроектов по доброкачественности пищевых продуктов и медпрепаратов, и все они

провалились из-за противодействия важных лиц, на которых они могли оказать воздействие. Доктору Харви Вили пришлось предпринять в 1906 году решительные действия, чтобы заставить конгресс принять закон. Однако этот закон не определял новое преступление, так же как федеральный Закон Линдберга о похищении людей не определял новое преступление; он просто создал возможность для более эффективного применения принципа, который уже был сформулирован в законодательствах штатов. Когда в конгрессе была представлена поправка к этому закону, которая должна была распространить его действие на ложные заявления по радио или в прессе, издатели и рекламщики организовались, чтобы защитить свои интересы, и отправили в Вашингтон лоббистов, которые не заблокировали поправку, прикрываясь в основном лозунгами о «свободе прессы» и «опасностях бюрократии». Но эта предложенная поправка также не определяла нового преступления, поскольку законодательства штатов уже запрещали ложные заявления, распространяемые средствами радио или прессы; она бы попросту усовершенствовала правоприменение данного закона. Наконец, федеральной администрации не удалось применять закон на практике так, как она того хотела, в силу давления правонарушителей на право, порой оказываемое при посредстве главы министерства сельского хозяйства, а в других случаях – при посредстве конгрессменов, которые грозились сокращением ассигнований, а также других лиц. Утверждение Дэниэля Дрю, откровенного старого мошенника, весьма точно описывает уголовное право: «Закон напоминает паутину; она создана для мух и прочих мелких насекомых, но она позволяет крупному шмелю прорваться сквозь нее. Когда на моем пути стояли формальности закона, я всегда мог легко отвести их в сторону».

Представленный выше анализ не следует рассматривать ни в качестве утверждения того, что все попытки повлиять на законодательство и администрацию заслуживают порицания, ни как частную интерпретацию уголовного права. Он означает только то, что высший класс обладает большим влиянием на выработку уголовного права и его применение, что позволяет ему защищать свои интересы лучше, чем низшему классу. Привилегированное положение преступников из числа белых воротничков перед законом лишь в незначительной мере проистекает из взяток и политического давления, но в основном обусловлено тем уважением к ним, для поддержания которого они не прилагают никаких особых усилий. Наиболее сильная в средневековом обществе группа пользовалась относительной неприкосновенностью благодаря «неподсудности духовенства», тогда как сегодня сильнейшие группы получили относительную неприкосновенность благодаря «неподсудности бизнеса или профессии».

С силой преступников из числа белых воротничков контрастирует слабость их жертв. Потребители,

инвесторы и акционеры не организованы, у них нет технических знаний, и они не могут сами себя защитить. Дэниэль Дрю, получив мошенническим образом крупную сумму денег от Вандербильта в рамках сделки по Ири, пришел к выводу, что было ошибкой брать деньги у могущественного человека того же уровня, что и он сам, и заявил, что в будущем он ограничит свои начинания аутсайдерами, рассеянными по стране, которые не смогут организовать и дать сдачи. Преступность белых воротничков расцветает в тех местах, где могущественные бизнесмены и профессионалы вступают в контакт со слабыми людьми. В этом отношении это все равно что украсть конфету у ребенка. Между тем многие преступления низшего класса совершаются против людей богатых и могущественных – при краже со взломом или грабежах. Из-за этой разницы в силе жертв преступники из числа белых воротничков пользуются относительной неприкосновенностью.

Хищения представляют собой в этом отношении интересное исключение из общей картины преступности белых воротничков. Обычно хищение – это кража, совершаемая наемным сотрудником у работодателя, и организовать социальные и юридические силы в свою пользу сотрудник способен намного меньше работодателя. Поэтому вполне понятно, почему законы о хищении были составлены задолго до законов по защите инвесторов и потребителей.

Можно показать, что теория, утверждающая, что преступное поведение в целом обусловлено либо бедностью, либо психопатическими и социопатическими расстройствами, связанными с бедностью, безосновательна по трем причинам. Во-первых, это обобщение основано на нерепрезентативной выборке, из которой почти полностью исключено поведение преступников из числа белых воротничков. По причинам удобства и незнания, а не из принципа криминологи в основном ограничивали свои данные делами, рассматриваемыми в уголовных судах и судах по делам несовершеннолетних, но эти органы используются для привлечения преступников из низшей социальной страты. Соответственно, их данные совершенно нерепрезентативны в плане экономического статуса преступников, тогда как их общее суждение о том, что преступность тесно связана с бедностью, необоснованно.

Во-вторых, общее суждение о том, что преступность тесно связана с бедностью, очевидно, не применимо к преступникам из числа белых воротничков. Если не считать небольшого числа исключений, они не бедны, они не воспитывались в трущобах или по-настоящему неполноценных семьях, они не являются слабоумными или психопатами. Они редко бывали проблемными детьми, их не вызывали в суды по делам несовершеннолетних или же в клиники по социальной адаптации детей. Выведенное из данных, используемых традиционными криминологами, утверждение, будто «сегодняшний преступ-

ник — это вчерашний проблемный ребенок», редко оказывается истинным в применении к преступникам из числа белых воротничков. Представление о том, что причины преступности следует искать почти исключительно в детстве, также представляется ложным. Даже если расширить понятие бедности и включить в него экономический стресс, влияющий на бизнес в периоды депрессии, не удастся выявить строгой корреляции с преступностью белых воротничков. Вероятно, в последние 50 лет наибольший расцвет преступности белых воротничков в сфере инвестиций и корпоративного управления пришелся на бум 1920-х.

В-третьих, общепринятые теории не объясняют даже и преступности низшего класса. Подчеркивавшиеся ранее социопатические и психопатические факторы, несомненно, имеют некоторое отношение к причинам преступности, однако они не связаны с общим процессом, обнаруживаемым в преступности как низшего класса, так и белых воротничков, а потому они не объясняют преступности ни того, ни другого класса. Возможно, они объясняют способ или метод совершения преступлений, то есть то, почему преступники из низшего класса совершают взломы и грабежи, но не занимаются обманом с целью вымогательства.

Ввиду этих недостатков общепринятых теорий необходима гипотеза, которая объяснит преступность как белых воротничков, так и низшего класса. Учитывая требования экономности, простоты и логичности, гипотеза должна прилагаться к обоим классам, поскольку это позволит проанализировать причинные факторы, освободившись от препятствий, созданных административными механизмами, которые ввели криминологов в заблуждение. Шоу, Маккей и другие исследователи, работающие исключительно с преступностью низшего класса, выяснили, что общепринятые теории не объясняют вариации в данных по преступности этого низшего класса и, заняв эту точку зрения, стали работать над объяснением преступности как более общего социального процесса. Подобным попыткам существенную помощь окажет только что описанная нами процедура.

Гипотеза, предлагаемая здесь на замену общепринятых теорий, состоит в том, что преступность белых воротничков, как и любая другая систематическая преступность, выучивается; она учится в прямой или косвенной ассоциации с теми, кто уже практикует подобное поведение; те же, кто учится такому преступному поведению, отдаляются от частных и тесных контактов с законопослушным поведением. Станет человек преступником или нет — в значительной мере определяется сравнительной частотой и непосредственностью его контактов с двумя этими типами поведения. Это можно назвать процессом дифференциальной ассоциации. Эта гипотеза представляет генетическое объяснение преступности как белых воротничков, так и низшего класса. Те, кто становится преступником

в среде белых воротничков, обычно начинают свои карьеры в хороших районах и хороших домах, они оканчивают колледж, усвоив определенный идеализм, а потом, когда от них мало что зависит, попадают в определенные деловые ситуации, в которых преступность представляется едва ли не общим обычаем, а потому они приучаются к этой системе поведения так же, как и к любому другому обычаю. Преступники из низшего класса обычно начинают свои карьеры в плохих районах и неполных семьях, им легко сойтись с правонарушителями, у которых они учатся отношению к преступности и ее техникам — благодаря ассоциации с правонарушителями и при частичном обособлении от законопослушных граждан. Основные составляющие этого процесса — одни и те же для обоих классов преступников. Это не только процесс ассимиляции, поскольку в нем часто делаются изобретения, возможно, чаще в преступности белых воротничков, чем в низшем классе. Гении-изобретатели из числа преступников низшего класса — это обычно профессиональные преступники, тогда как гении во многих видах преступлений белых воротничков — это обычно юристы.

Второй общий процесс — это социальная дезорганизация общества. Дифференциальная ассоциация завершается преступлением, поскольку общество не организовано настолько, чтобы встать единым фронтом против такого поведения. Закон давит в одном направлении, но другие силы — в противоположном. В бизнесе «правила игры» вступают в конфликт с юридическими правилами. Бизнесмена, желающего следовать закону, конкуренты вынуждают перенять их же методы. Это хорошо показывает устойчивость коммерческого подкупа, несмотря на постоянные попытки деловых организаций его искоренить. Группы и индивиды существуют именно что индивидуально; они больше озабочены своей частной группой или индивидуальными интересами, чем общим благосостоянием. Соответственно, общество не может встать единым фронтом против преступности. Бюро по улучшению бизнеса и Комиссии по преступности, состоящие из бизнесменов и представителей свободных профессий, борются со взломом, грабежом и мелким мошенничеством, однако они упускают из виду преступления своих собственных членов. Силы, воздействующие на низшие классы, также находятся в конфликте. Социальная дезорганизация влияет на оба класса сходным образом.

Я представил краткое и общее описание преступности белых воротничков, основываясь на аргументе касательно теорий преступного поведения. Этот аргумент, если обособить его от описания, можно сформулировать в виде следующих положений:

1. Преступность белых воротничков — реальная преступность, которая всегда представляет собой нарушение уголовного права.

2. Преступность белых воротничков отличается от преступности низшего класса в основном применением уголовного права, которое административно обособляет преступников из числа белых воротничков от других преступников.
3. Теории криминологов, согласно которым преступность обусловлена бедностью либо психопатическими или социопатическими расстройствами, статистически связанными с бедностью, необоснованны, поскольку, во-первых, они выводятся из нерепрезентативных в плане социально-экономического статуса выборок; во-вторых, они не применимы к преступникам из числа белых воротничков; и в третьих, они не объясняют даже и преступности низшего класса, поскольку эти факторы не соотносятся с общим процессом, характеризующим любую преступность.
4. Необходима теория преступного поведения, которая объяснит преступность как белых воротничков, так и низшего класса.
5. Гипотеза такого рода может быть предложена благодаря категориям дифференциальной ассоциации и социальной дезорганизации.

Перевод с английского Дмитрия Кралечкина

WHITE-COLLAR CRIMINALITY

Edwin Sutherland, American sociologist (1883–1950).

Edwin H. Sutherland's "White-Collar Criminality" contests the conventional thesis that crime is concentrated in the lower classes and driven by poverty or psychopathology. Using investigative reports and illustrative cases rather than criminal court statistics alone, Sutherland argues that respected business and professional actors commit widespread violations that are obscured by biased data and administrative segregation from ordinary criminal justice. He catalogs recurring schemes across business and professions – misrepresentation in corporate statements and advertising, manipulation of securities, commercial bribery and public corruption, embezzlement and misapplication of funds, short weights and misgrading, and medical practices such as fee-splitting. These offenses fundamentally involve breaches of delegated or implied trust and often reduce to two clusters: misrepresentation of asset values and duplicity in the manipulation of power. Beyond imposing heavy financial losses, white-collar crime erodes social trust, depresses morale, and produces large-scale social disorganization. Sutherland maintains that differential association – learning criminal techniques and rationalizations within occupational networks – explains criminality in both upper and lower strata; what differs is not causation but implementation and enforcement. Upper-status offenders benefit from influence over legislation, administrative forums, and lenient sanctions, which fosters relative immunity and public misperception that such conduct is not "real" crime. The paper calls for redefining criminological data and criteria to capture white-collar offenses, thereby correcting theoretical bias and enabling a more complete account of crime's prevalence, mechanisms, and societal harms.

Keywords: white-collar crime; criminology; differential association; corporate fraud; social disorganization; trust violation; economic crime

Citation: Sutherland, E. (2025). White-Collar Criminality. *Urban Studies and Practices*, 10(4), 113–120. <https://doi.org/10.17323/usp1042025113-120>